

зависимыми местоимениями), изафетная конструкция (соответствующая тюркскому изафету II, потому что язык хайда не располагает падежной системой и, следовательно, не имеет родит. падежа), суффиксальные энклитики.

Кроме того, в отношении языка хайда можно в известной степени говорить об унификации наречий, постепенно образующих оппозицию с еще не оформленными прилагательными, выделившимися из состава глагола. Следует сказать еще об одной особенности языка хайда сравнительно с другими атапаскскими языками, хотя едва ли эта особенность указывает на магистральную линию развития указанной группы языков. Характерный для многих индейских языков Северной Америки порядок слов в предложении SOV в языке хайда может нарушаться, и если глагол оказывается в другом месте предложения, его основная позиция маркируется предикативной частицей *a*.

В языке цимшиан [16] много частиц, употребляющихся префиксально часто с глаголами, реже с существительными. Значительное число элементов словосложения, восходящих к полнозначным словам, почти формализовалось, превратившись в суффиксы. Язык изобилует наречными частицами, играющими роль превербов со значением места и направления. Наблюдается инкорпорирование именного объекта в состав глагола.

Граница между именем и глаголом довольно четкая, так что уже не приходится говорить о категории статических и динамических глаголов в том виде, какой ее представляют языки хупа и навахо. Более того, язык цимшиан сделал еще один серьезный шаг сравнительно с другими атапаскскими языками в сторону номинализации. Постепенное исчезновение оппозиции статических и динамических глаголов сопровождается укреплением категории переходности-непереходности, свойственной глаголу и обслуживающей глагол. Наложение двух систем — старой и новой — вызывает усложнение глагольного комплекса, развитие в нем системы субъектно-объектных отношений. Появление еще одной именной категории — имени прилагательного, которая к тому же на определенном этапе по форме совпадает с наречиями образа действия, вызывает необходимость морфологического разграничения между ними. А потребность передачи языковыми средствами многообразного опыта, приобретенного человеком, стремление более точно именовать явления объективной действительности и внутреннего мира приводят к тому, что обособившиеся от глагола категории — имя и качественный признак — снова входят в состав глагола, но уже через посредство подсобных элементов. Появляется возможность субстантивации (номинализации) и вербализации, благодаря чему увеличивается номенклатура именований. В языке цимшиан частицы используются как для превращения имени в глагол, так и глагола в имя. Для образования абстрактных существительных используется префикс *ap-*, вероятно, тот же, который служит для сообщения глаголам и фразам атрибутивно-субстантивного признака (ср. с энклитикой *-i* языка навахо).

Наряду с развитием абстрактных понятий в языке цимшиан распространяется явление инкорпорации, преимущественно объекта в состав глагола. Создается впечатление, что в цимшиан глагольность предложения не уменьшается, а увеличивается, но процесс этот имеет иной характер, чем в исследованных выше языках. Если в других языках глагольность предложения определяется морфологией глагола, в языке цимшиан глагольность предложения является функцией морфологии глагола и синтаксиса предложения. В последнем случае для перевода имени в состав сказуемого служат предикативные частицы: *-s* присоединяется к именам, обозначающим лиц; *L-* используется в остальных случаях, а при переходных глаголах эта частица служит для связи глагола и объекта. Для полноты картины следует сказать, что эти же частицы выражают отношения принадлежности между именами, образуя конструкции, соответствующие тюркскому изафету II с препозицией определяемого имени.